

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

В ПРАВОМ ВЕРХНЕМ УГЛУ

Корреспондент В. Ольшевский — в гостях у народного художника СССР

Бориса Ефимова. На столе, где у него «мастерская»

(много ли надо: лист бумаги да пузырек с тушью!), —

недавно вышедший сборник его карикатур. Обложка: верхом на

«машине времени», как на мотоцикле, он одновременно и

сегодняшний, и каким был шесть десятков лет назад. Из дней

наших — в дни давние: туда и обратно.

— Борис Ефимович, какую из своих карикатур за много-много лет вы считаете самой удачной?

— Если судить по степени сатирического эффекта, наверное, ту, на которую обиделся Чемберлен и прислал официальную ноту протеста.

— Он был лишен чувства юмора?

— Видимо, чувство юмора изменило высокочтимому лорду в непривычной для него ситуации...

— А ведь вы, Борис Ефимович, как говорили в старину, художник-то исторический! Смотрите: от интервентов в гражданскую войну до нынешних планов интервенции в космос. От СОИ вспять до Антанты и от Антанты до СОИ!

— Это как глядеть на историю. История шуток с собой не допускает, но у нее всегда хватало политических шутов, пройдох, медных лбов. Право, когда еще в девятнадцатом году я рисовал карикатуры на Деникина, то меньше всего думал об истории и уж никак не предполагал, что в будущем кого-то могут интересовать главари белогвардейского воинства. Карикатура — искусство сиюминутное. И вместе с тем она хранит точные приметы своего времени на долгие годы. Не побоюсь сказать, на века. И еще скажу: если по той или иной карикатуре мы судим о событиях прошлого, значит, в свой день и час она спротивалась верно.

— В таком случае не кажется ли вам, что казус с британским лордом как раз и определяет суть нашей беседы: политическая карикатура достигает полного эффекта именно с обретением «обратной связи», своего рода «расписки» в получении?

— Ну не надо это понимать буквально. Так, как в свое время Наполеон, доведенный до белого каления английским карикатуристом Гильреем, настоял на включение в Амьенский мирный договор между Францией и Англией специального пункта, где карикатуристы, которые осмеливались бы осуждать особу императора, были приравнены к убийцам и фальшивомонетчикам и подлежали выдаче головой. Или как в годы войны неудобонаизываемый фюрер издал распоряжение, согласно коему ряд наших карикатуристов, в том числе и моя скромная персона, были внесены в особый список гестапо под недвусмысленным названием: «Найти и повесить». Видите, и здесь с юмором оказалось туда. Конечно, весьма лестно, когда труд твой доходит по прямому адресу, но, думается, карикатурист работает все же не ради «расписки получателя», не это главное. Главное — формирование общественного мнения. Адрес тут иной и не в пример более широкий, чем та или иная фигура на международной арене, отмеченная отсутствием чувства политической реальности.

— В свое время Маяковский во вступлении в поэму «Во весь голос» очень наглядно представил смотр своих войск: вот стоят линии шеренги стихов, вот, словно жерла орудий, заглавия поэм, а вот — «готовая рвануться в гике» кавалерия острот... В наступлении бою нашей пропаганды, контрпропаганды искусству карикатуры — «кавалерии острот» — принадлежит особое место. Как вы его видите?

— Так, как его увидел один из читателей «Известий» в пору нашего конфликта с сэром Чемберленом. Когда мы на какое-то время оставили в покое заморского министра с его злобными антисоветскими выходками, то красноармеец товарищ Юрков прислал письмо. Уже десять дней, писал он, разворачивая газету, в верхнем правом углу на первой странице не вижу обычной карикатуры. Неужели мы испугались ноты Чемберлена и решили карикатур больше не печатать?.. В этом давнем письме по сути сказано, как широкая масса читателей вправе усматривать в карикатуре особый, ничем не заменимый жанр пропагандистского выступления, излюбленную, доходчивую форму истолкования политических событий. И главное, смехом своим, своим непосредственным отношением присоединиться к слову публициста-сатирика, строю его эмоций. Какой другой вид публицистики дает такие возможности? А народ ценит острое слово, сам великий острослов, и дело карикатуриста — вот как в технике, в подрывных работах бывает «направленный взрыв», так дело карикатуриста — устроить «направленный смех». Сразу вместе — и постановку вопроса, и ответ — все соединяет смех: и открытие явления, факта, и их истолкование, работу логики и работу чувства. Впрочем, чего тут теоретизировать. В народе верно говорят: когда что-нибудь не так, засмеют — убьют смехом, тому же в активе наших карикатуристов примеров не счесть.

— Излюбленная шутка мастеров вашего цеха, Борис Ефимович, — хотим, дескать, оставаться без работы!

— Как видим, работы не убавляется. Я принадлежу к поколению, видевшему рождение Советской власти, пережившему вместе с ней победные триумфы и сурвые испытания. Мы были свидетелями тревог и бурь века, очевидцами и в различной степени участниками незабываемых событий. Мы помним многое. Не помню я только одного — не помню такого времени, когда из-за рубежа не раздавались бы по нашему адресу угрозы и проклятия, когда бы нас не предавали анафеме, не волили о «крестовом походе» против социализма и коммунизма, против нашего миролюбия, желания жить в мире и понимания со всеми народами, со всеми странами на земле. Сегодня, в обстановке небывало обострившейся психологической войны, закономерно возрастает роль убедительного сатирического воплощения носителей империалистического зла, меткой и неотразимой насмешки над фальшивым благообразием, скрывающим за собой агрессию и притязания на мировое господство. Иными словами, возрастает значение острой и умной — остроумной! — злободневной политической карикатуры. Но вместе с тем и в равной степени должны возрасти наши требования к художественному (и тем самым агитационному) качеству сатирического рисунка. Ведь нет ничего более противопоказанного этому жанру, чем трафаретность сюжетных решений, банальность образов и приемов. Мы же, карикатуристы, нередко этим грешим.

— Борис Ефимович, а ведь из верхнего правого угла первых страниц центральных наших газет карикатура-то исчезла. Почему?

— Вы задаете вопрос, на который совместно должны отвечать и редакторы газет, и все мы, карикатуристы. И вообще художники, издатели, причастные к газетно-журнальной графике. К тому же не в одном поколении. Что здесь причиной — то ли в газах редакторов рисунок не выдержал конкуренции с документальной, тем более художественной фотографией, то ли повсюду всплыли племя таких мастеров, какими были Моор и Дени, Черемных, Дейнека и Пименов, Бродяты, Ганф, Пророков. Ныне лишь немногие бойцы старой гвардии, как Кукрыники, держат традицию массовой газетной публицистики. А только вспомнить: популярные журналы двадцатых — тридцатых годов — «Прожектор», «Красная нива», «30 дней», «Безбожник у станка», «Даёши», «Огонек», «Смехач», не говоря уж о «Крокодиле» — они широко несли в народ публицистический рисунок; газеты считали рисунок художника столь же необходимым, как и слово очерка, фельетона, международного комментатора, писательский рассказ. Без преувеличения можно сказать, это еще недооцененная славная страница истории всего советского искусства. Но стальгия, скажете вы. Раньше все было лучше? И трамвай быстрее ходили, и наранз был крепче? Тогда покажите мне, где он, тот ежедневный, художественный, меткий, лаконичный и доходчивый сатирический рисунок на газетных полосах, которого вправе требовать сегодняшний наш товарищ Юрков.

— А что надо делать?

— Скажу, чего не надо делать. Ведь иногда уму непостижимо, как это в распространенных газетах, журналах появляются беспомощные, претендующие на ранг сатиры подделки, которые просто находятся за пределами искусства. А то и за пределами смеха. То же относится и к бесчисленным изделиям так называемого «юмора чудаков», «ульбок художника». Возможно, меня обвинят в непонимании юмора, но, честное же слово, если что и вызывает улыбку, так самый характер таких потуг на юмористику. Вот этого не надо делать — печатать такие рисунки. А коль скоро они печатаются и печатаются в необозримом количестве, то следствием наступает одно: компрометация сатирического искусства. Люди начинают смотреть на юмористический рисунок ли, на карикатуру, как на пустое место, — что-то нарисовано, и ладно.

— Но мы говорим о политической карикатуре...

— Политическая карикатура на международные темы подверглась, с моей точки зрения, самой жестокой девальвации. Она потеряла свое лицо, уважение читателей, утратила свой высокий художественный уровень, создававшийся десятилетиями. Сплошь да рядом это невнятный и запутанный ребус, который печатают, похоже, только для того, чтобы разнообразить «графическим пятном» текстовое заполнение страницы. Карикатурист перестал быть комментатором событий по горячим их следу, и сами редакторы от этого отвыкли. А вспомним, года два назад на Кузнецком мосту была выставка политической графики Кукрыниксов. Демонстрировались работы, начиная с тридцатых годов. И ведь что ни карикатура, то отклик на политическую

новость на международной арене. Оглядываясь вспять, скажу: это же сама история в формах гротеска, сатиры — история, которая в свой день и час была злободневнейшим фактом. К тому я это говорю, что все кукрыниковские карикатуры, прежде чем стать историей, прошли через страницы газет. Вот как надо делать, а как не надо, мы все достаточно хорошо видим.

— И все же, кто первые разрушители сегодняшней карикатуры? Кто они, кому должен зажигаться красный свет в редакциях газет и журналов?

— Первые разрушители — воинствующие, пробивные дилетанты. Люди, пусть не лишенные понимания юмора, но не умеющие рисовать и возводящие это неумение в принцип. Не умеющие создать образный типаж, дать точную сатирическую характеристику, но зато полагающие, будто изобразить глаза на кончике носа — это будет смешно. Такой поток любительщины напоминает мне нынешнюю рок-музыку — ее можно множить тоннами, километрами, но музыкой она от этого не станет. Дилетант, к тому же агрессивный дилетант, опасен тем, что он в любом жанре искусства размывает понятие качества работы, оставляет после себя труху, приучает всех вокруг себя, что «и так сойдет», что само дело, к которому он прикасается,уважительного к себе отношения не заслуживает.

— Ну, Борис Ефимович, слишком уж строго. Все эти «ульбки художника», «без слов», «чудаки» ни на что большое ведь и не претендуют. Кому они мешают?

— Да, пусть не мешают, даже развлекают, смешат. Но своей повсеместной распространенностю они создают стиль. Стиль этакого кокетливого косилязычия, зубоскальства, соединенного с претензиями на некую философичность: как же, нынче век интеллектуалов, и все простое, ясное неинтересно и плоско! Образ заменяется условным знаком, как в том самом анекдоте про анекдотов, которые перенумеровали все свои байки, и стало достаточно назвать цифру, чтобы вызвать привычный смех. Язык знаков? Видимость импровизации? «Реноме» остроюса в компании? Полно, все это до того уже набило оскомину, что вместо смеха впору разводить руками, глядя на «артистические» поделки. Но хуже другое. Этот облегченный «стиль времени» налагает свою печать и на политическую карикатуру, и где нужны памфлет, четкая, направленная мысль, являет себя все та же модная манерка, она только и занимает художника, и тогда уже нет ни пифоса, ни страсти — есть «выражение» себя, но не выражение темы. Так и приходят избыток сюжетов, засилье штампов. И можно понять редакторов, которые ничего дельного не ждут от карикатуры и усматривают в ней жанр закономерно второсортный, который может быть, а может и не быть. Словом, хочу сказать, смысловое и художественное осуждение — вот что исподволь от одной «ульбки» к другому распространяет любительщина.

— Не кажется ли вам, что мы несколько односторонне рассматриваем причины упадка карикатуры? Возможно, причины застоя кроются также и в тех обстоятельствах прошлых лет, против которых партия повела непримиримую борьбу, в явлениях, требующих перестройки?

— Если учитывать, что советские художники-карикатуристы всегда воевали «на два фронта», то да, атмосфера благодушия, отсутствие в жизни общества достаточного притока живительного воздуха, конечно, сыграли свою роль. В этом смысле веление времени — перестройка — в полной мере должно войти в сознание карикатуристов. А то ведь, что говорить, в отношении наших собственных негативных явлений карикатура благодушествовала и «ювеналов бич» нередко заменяла снисходительным посмеиванием — развлекательством вместо тревоги и все той же заботой о себе (ах, как я выгляжу?) вместо гражданственного гнева. Неспроста говорю о гневе — вспомните ленинскую мысль: без гнева писать о вредном — значит плохо писать. Здесь вижу пути активизации сатирических сил. Дело перестройки народ принял как свое кровное дело, логикой общественной жизни карикатура неминуемо вовлечется в пыл и жар тех процессов, которые происходят в стране. Надо думать, пустое хлопанье холостыми стрельбой — традиция неспроста утвердила за нами, карикатуристами, военную терминологию: «снайперский прицел», «оружие сатиры». Так будем же на деле оправдывать эти почетные названия. Пусть крылатое «Я хочу, чтобы к штыку приравняли перо» звучит не только повторяемыми звонкими словами, но будет твердой, принципиальной позицией советских сатириков. Как видим, есть дела поважнее, чем тратить силы на мелкотравчатое комикование.

— Итак, сатирик — искусство. Сатирик — художник. И гражданин. Это главная мысль нашего разговора?

— Главная. Хочу, чтобы политическая сатирик не сходила с боевых позиций, с положенного ей места в осмыслиении всего, что происходит в сегодняшнем мире.

— И на страницах газет, чтобы имела честь занимать место в правом верхнем углу?

— В правом верхнем углу...